

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

К моменту смерти матери великий князь Иван IV так и не достиг возраста, когда мог управлять самостоятельно. Он оставался еще ребенком, власть же перешла в руки Боярской думы. Последующие десять лет сопровождались неоднократными дворцовыми переворотами и политическими убийствами. За власть боролось несколько боярских группировок, поочередно сменявших друг друга в руководстве Боярской думы. Впрочем, недавно появились утверждения, что в действительности «чехарды» правительств не было, так как правительство — это не придворные группировки, распадающиеся каждый час, а Дума в целом, опиравшаяся на дьяков, приказы, казну. Получается, что результатом переворотов была лишь замена отдельных лиц в правящей элите. Однако с таким утверждением вряд ли можно согласиться: ведь правительство и состоит из отдельных лиц. Очевидно, что их смена и ведет к некоторым изменениям в политике. В средневековом монархическом государстве на политику оказывает наибольшее влияние тот, кто приближен к государю. Смена лиц в окружении великого князя (тем более, когда он сам не полностью дееспособен) и означает переворот. Что же касается дьяков и приказов, то они действительно не сильно менялись при смене руководства. Но это не означает, что в период политической нестабильности государственный аппарат работает так же, как и в период политического штиля.

Смерть Елены сразу же привела к персональным изменениям в правящей верхушке. Из заключения были освобождены бояре и дьяки Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. 9 апреля по приказу бояр во главе с Василием и Иваном Шуйскими были арестованы фаворит Глинской конюший Овчина-Телепнев и его сестра Агрипина. Летопись особо подчеркивает, что сделано это было без ведома великого князя и именно потому, что Иван держал их в «приближении». Агрипина была отправлена на Север — в Каргополь и насильно пострижена в монахини, а Овчина оказался в темнице — там, где до него сидел Михаил Глинский. На бывшего временщика даже наложили ту же «тяжесть», что была на князе Михаиле. Спустя короткое время он был уморен. По другим известиям, по приказу бояр Овчину-Телепнева «изрубили в куски». Вскоре на свободу были выпущены князья Андрей Шуйский и Иван Бельский, сразу же ставшие боярами. В заключении они провели почти все время правления Елены. Главную роль при дворе играли Василий и Иван Шуйские. Для упрочения своего положения в июне 1538 года Василий Шуйский женился на родственнице Ивана IV (двоюродной сестре) Анастасии Петровне, породнившись с великим князем. В сентябре Шуйские сопровождали великого князя в Сергиев монастырь*.

По давней историографической традиции считалось, что правление Шуйских являлось шагом назад в развитии Русского государства. Большую роль в такой оценке сыграли сочинения Ивана Грозного, на страницах которых он вспоминал Шуйских недобрым словом. По мнению царя, они расхитили государственную казну и личную казну его матери Елены Глинской, раздавали земли служилым людям не по заслугам, а в основном своим приспешникам, выпустили из заключения всех противников его отца и матери, перебили верных и преданных воевод: «Колико бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы и села и имения дядь наших восхитиша себе и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли в Большую казну, неистова ногами пхающе и осны колюще; а иное же себе разъяща... И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в береженье учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашея главные изменники, ис поимания повыпускали и к себе их примирили... Что же убо о казнах родительского ми достояния?»

* ПСРЛ. Т. 13. С. 123—126; Т. 34. С. 26; *Даниил Принц*. Начало и возвышение Московии // Чтения Общества истории и древностей российских. 1876. Кн. 3. С. 16.

Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалования, а все себе у них поимаша во мздоимания; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего бесчисленную поимаша себе; и тако в той нашей казне исковаша себе сосуды златыя и сребряныя и имена на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание; а всем людем ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы их то было старина, и чем было суды ковати, ино было лутчше шуба переменити, да и в ысходке суды ковати. Что же о казнах дядь наших и глаголати, но все себе восхитиша. По сем же на грады и села наскочиша, и тако горчайшим мукам многообразными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчези? Подовластных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы ж свои аки вельможи сотвориша, правити же мнящесе и строити, и, вместо сего, направды и нестроения многия устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще»*. Однако исследования последнего времени показывают, что политика Василия и Ивана Шуйских отвечала интересам страны: именно при них проводилось поместное верстание, позволявшее повысить боеспособность дворянского ополчения — основы вооруженных сил страны. При Шуйских завершилась денежная реформа, начатая еще Еленой Глинской, при них началась губная реформа, призванная усилить борьбу с преступностью, в основном с разбоями**.

Хотя, конечно, некоторые из Шуйских проявили себя далеко не с лучшей стороны. Особенно отличился князь Андрей Шуйский, освобожденный из темницы после смерти Елены Глинской. Он был двоюродным братом правителей, хотя они и не допускали его до реальной власти, а отправляли в полки или по городам. Но он успел «отличиться» и в провинции. Летопись указывает: «А князь Андреи Михайлович Шюнской, а он был злодеи; не судя его писах, но дела его зла на пригородах, на волостех, старья дела исцы наряжая, правя на людех ово сто рублии, ово двесте, ово триста, ово боле, а во Пскове мастеровыя люди все делали на него даром, а большии люди подаваша к нему з дары»***.

Господство Шуйских в Думе и при дворе устраивало далеко не всех. Противниками правителей оказались князь Иван Федорович

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76—77.

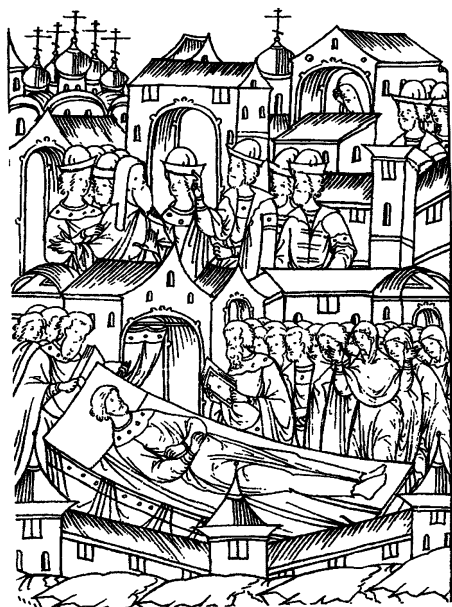
** Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 82—84.

*** ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 229.

несмотря на то, что все правление Глинской тот провел в заключении по обвинению в участии в заговоре его брата Семена, который бежал в Литву еще в 1534 году. Стремясь получить реальную власть в стране в свои руки, Бельский задумал с помощью своих сторонников добиться пополнения Боярской думы близкими к себе людьми. Все это делалось втайне от Шуйских. Особую опасность заговору Бельского придавало то, что на его стороне оказался глава Русской церкви Даниил. Позиция митрополита объясняется следующим: по традиции в период несовершеннолетия великого князя резко возрастала роль предстоятеля Церкви. Достаточно вспомнить, какое место в правительстве играл митрополит Алексей в годы малолетства Дмитрия Донского или Фотий в начале правления Василия Темного. Митрополит считался вторым лицом в государстве, являлся «отцом и богомольцем» монарха. Шуйские же не допускали его участия в политической деятельности. Не случайно на страницах летописи в этот период он не упоминается. Сделав же ставку на князя Бельского, Даниил, в случае его успеха, получал возможность реально участвовать в управлении страной. Однако, с другой стороны, столь явная поддержка одной из противоборствующих группировок делала положение первоиерарха крайне неустойчивым при любом изменении политической конъюнктуры.

По замыслу Ивана Бельского, Даниила, Михаила Тучкова и Федора Мишурина следовало добиться от великого князя того, чтоб боярином стал Юрий Голицын, а окольничим Иван Хабаров. Вероятно, это был первый случай, когда Иван IV помимо собственной воли оказался втянутым в борьбу за власть между боярами. Возможно потому, что Бельский и его сторонники обратились к нему, Иван и относился к ним лучше, чем к Шуйским, которые управляли без его «совета».

Но сохранить в тайне свои действия Бельскому не удалось. Когда Василий и Иван Шуйские узнали об этом, вспыхнул страшный скандал — «и многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племенех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земьским... и многу мятежу и нестроению в те времена быша в христианской земле, грех ради наших, государю младу сущу, а бояре на мзду уклонишася без возбранения, и много кровопролития промеж собою воздвигоша, и в неправду суд держаще, и вся не о Бозе строяще...». 21 октября 1538 года Иван Бельский и его сторонники были арестованы (без приказа великого князя). Федор же Мишурин был казнен. Очевидно, что эти действия стали возможны потому, что на стороне Шуйских были служилые люди, которые и выполняли их приказы или приказы

Смерть князя Василия Шуйского
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Боярской думы, в которой Шуйские и их группировка имели большинство*. Была predetermined и судьба митрополита Даниила, задержка санкций против которого вызывалась лишь тем, что вскоре умер глава партии Шуйских князь Василий. Кроме того, необходимо было определиться с претендентами на митрополичий престол, добиться приезда в Москву провинциальных архиереев для того, чтобы смена первосвященителей прошла законным образом. Следовало подготовить и общественное мнение к подобной перемене. Лишь 2 февраля 1539 года Даниил был сведен с престола «великого князя бояр нелюбием, князя Ивана Шуйскаго и иных, за то, что он бы в едином совете с князем Иваном Бельским». Согласно другим источникам, митрополит «учал ко всем людям быти немилосерд и жесток, уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое». Скорее всего, две версии лишь дополняют друг друга, у Даниила было много недоброжелателей: еще помнили о его роли в неканоническом разводе и втором браке Василия III, его расправе с Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым, осужденным церковным Собором

* ПСРЛ. Т. 13. С. 432; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76.

в конце правления Василия. Впрочем, с бывшим митрополитом поступили довольно мягко — его отправили в место его пострижения — Иосифов монастырь под Волоколамском. Вероятно, в обмен на это Даниил подписал грамоту, в которой объявлял, что его уход с митрополии был добровольным и объяснялся он «немощью разума», то есть, иначе говоря, слабоумием*.

Ставший после смерти брата фактическим главой правительства Иван Шуйский не имел на пост митрополита своего кандидата. Поэтому были намечены три кандидатуры, каждая из которых, очевидно, устраивала правителя. Ими оказались настоятели Троице-Сергиева, Чудова и Хутынского монастырей. Далее вопрос решался с помощью жребия, выпавшего игумену Сергиева монастыря Иоасафу Скрипицыну, который и стал 9 февраля 1539 года новым предстоятелем Русской церкви**.

Великий князь во всех этих переменах не сыграл никакой самостоятельной роли. Вообще его частная жизнь в то время не отражается на страницах летописей. Правда, существует описание, которое оставил он сам. Оно относится ко времени, когда власть находилась в руках Ивана Шуйского: «Нас же, с единокровным братом святопочившим Георгием, питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Яково же пострадах во одеянии и во алчи! Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности датска играюще, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, о отца нашего постелю опершися локтем, ногу положиша на стол, к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское ниже начало обретеса. И таковая гордыня кто понести может? Како же исчести таковые бедне страдания многая, еже во юности пострадах? Многажды поздно ядох не по своей воли»***. Конечно, воспоминания царя едва ли могут быть полностью объективны — они появились всего лишь за несколько месяцев до введения опричнины, в то время, когда конфликт монарха с окружением был в самом разгаре. Кроме того, с описываемых событий прошли десятилетия и многое могло стереться из памяти. Некоторые обвинения в адрес Ивана Шуйского вообще едва ли справедливы. Так, трудно представить, что великого князя и его младшего брата забывали

* ПСРЛ. Т. 13. С. 127, 432; Т. 34. С. 26; Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. № 185. С. 163.

** Там же. Т. 13. С. 127.

*** Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76.

кормить или сменить одежду. Скорее всего, Ивана Васильевича раздражало то, что в стране все делалось без его непосредственного участия, не по его приказам, что он — великий князь — просто игнорировался, что люди, которые ему нравились, были ему близки, исчезали из его окружения, а рядом были люди, которые были неприятны, а избавиться от их присутствия он пока не имел возможности.

Словам Грозного противоречат воспоминания Андрея Михайловича Курбского, бывшего боярина и известного воеводы, бежавшего в Литву незадолго до введения опричнины. Курбский пишет, что воспитавшие его бояре соревновались друг с другом в лести и угодничестве, стремясь всячески расположить юного великого князя в свою пользу*.

Между тем события шли своим чередом. Поставленный по воле Шуйского митрополит Иоасаф, как вскоре выяснилось, оказался активным участником политической борьбы, продолжавшейся в боярской верхушке. Причины, толкнувшие Иоасафа на это, были, вероятно, те же, что и у его предшественника Даниила, — стремление играть видную политическую роль в правительстве. В июле 1540 года «по печалованию» первосвятителя из заключения был выпущен князь Иван Бельский. Некоторое время продолжалось двоевластие: так, во время поездки в Троицу в сентябре великого князя сопровождали и Бельский и Шуйский. Но уже вскоре князь Иван стал «на митрополита и на бояр... гнев держати и к великому князю не ездити, ни з бояры световати о государских делех, ни о земских, а не князя на Ивана на Бельского великое враждование имети и зло на него мыслити; и промеж бояр велик мятеж бысть». Самоустранение Ивана Шуйского от политической деятельности имело для него роковые последствия — он был удален из Москвы и отправлен в почетную ссылку во Владимир «казанского дела для»**.

В правление Ивана Бельского, которое продолжалось полтора года, добившийся его освобождения Иоасаф играл важную роль и был фактически его соправителем, или, по словам летописи, «первосоветником» великого князя, который прислушивался к словам митрополита. В этом определенную роль сыграло, видимо, и то, что Иоасаф в свое время крестил Ивана Васильевича и был, следовательно, в достаточно близких отношениях с его отцом Василием III. «По печалованию»

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1985. С. 222.

** ПСРЛ. Т. 13. С. 99–100, 132–134; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 77.

митрополита были освобождены из заключения двоюродный брат Ивана IV князь Владимир Андреевич Старицкий и его мать — тетка великого князя Ефросиния. Немного позже Владимиру был возвращен отцовский удел — Старица и другие города (правда, отцовские бояре были заменены на новых). Смягчился режим заключения князя Дмитрия Андреевича, который провел в темнице в Переяславле почти пятьдесят лет. Этот князь был племянником Ивана III, который арестовал своего младшего брата. Сам Андрей давно умер, а его дети оставались под стражей. Последним из них и был Дмитрий Андреевич, приходившийся Ивану IV двоюродным дядей. Впрочем, он вскоре умер. По просьбе Ивана Бельского Иоасаф добился от Ивана Васильевича и прощения его брата Семена, бежавшего из России при Елене Глинской.

На время правления Бельского и Иоасафа пришлось нашествие крымских татар во главе с ханом Сагиб-Гиреем в июле 1541 года. Ситуация была очень серьезной, у правителей не было уверенности, что войска сдержат натиск татар на берегу Оки, существовала реальная опасность их прорыва в центральные районы государства, как это было в 1521 году. Москва готовилась к возможной осаде. Этим событиям

Оборона берега Оки от крымских татар
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

посвящена интересная повесть, включенная в летописи. На ее страницах, пожалуй, впервые появляется великий князь Иван как живой, действующий человек. В критический момент он молится в Успенском соборе перед гробом чудотворца митрополита Петра и иконой Владимирской Божией Матери. Затем, пригласив с собой Иоасафа, великий князь отправляется на заседание Боярской думы. На этом заседании решался вопрос о том, оставаться ли Ивану с братом в Кремле или уехать из города. Возникли споры: одна часть бояр настаивала на том, что великому князю следует покинуть столицу, ссылаясь на примеры Дмитрия Донского и Василия I. Другие говорили о том, что Иван IV еще мал и, находясь вне столицы, не сможет ничего предпринять для помощи Москве в случае ее осады татарами. Северные же города, куда уезжали в случае нашествий великие князья, сейчас находятся под угрозой нападения казанских татар. Решающим оказалось мнение митрополита Иоасафа, который предложил «положити великого князя на Бога и пречистую его Богоматерь и на чудотворцев Петра и Алексея, а те о Руской земле и о наших государех попечение имеют; а отец его князь велики Василей тем чудотворцем Петру и Алексею сына своего великого князя Ивана на руки дал». Это выступление первосвященника оказалось решающим в принятии решения: все бояре согласились с ним, и Иван IV остался в Москве. Впрочем, русские войска на берегах Оки остановили хана, и набег закончился уходом татар в степи. Все воеводы и бояре во время нашествия, по сообщению летописи, примирились между собой, даже те, между которыми была застарелая вражда*.

Но единение бояр продолжалось очень недолго. Бельский и Иоасаф смогли продержаться у власти лишь полтора года. Возник новый боярский заговор, вскоре приведший к очередным переменам у кормила власти. Отстраненная Бельским и Иоасафом группировка не собиралась мириться с утратой своего положения. Между сторонниками Шуйских в Москве и Иваном Шуйским, находившимся с войсками во Владимире, шли интенсивные переговоры. В результате в заговор оказались вовлеченными значительные силы, причем не только бояре, но и служилые люди: «княжата и дворяне и дети боярские многие, а Новгородцы Великого Новагорода все городом». Для Бельского же и митрополита назревавшие события оказались полной неожиданностью. Переворот был назначен на 3 января 1542 года. Накануне в Москву из Владимира прибыл сын князя Василия Шуйского Петр с отрядом

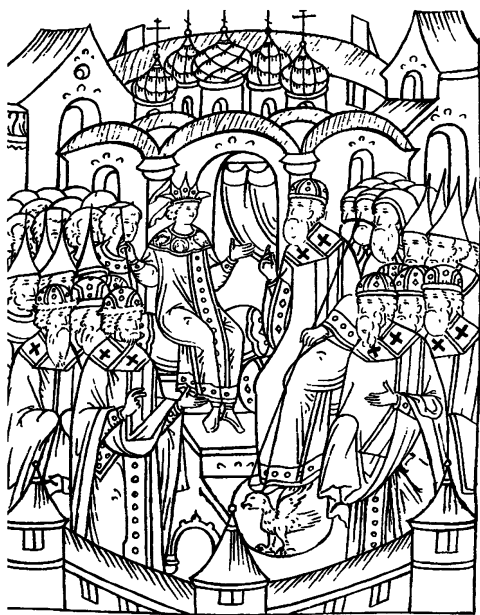
* ПСРА. Т. 13. С. 99—114, 135—140; Т. 34. С. 26.

сторонников, которых, по сообщению летописи, было триста человек. Глава правительства князь Иван Бельский был арестован, попали под стражу и его давние сторонники Петр Щенятев и Иван Хабаров. Это все происходило в ночь со 2 на 3 января. Причем часть сторонников Бельского пыталась укрыться в покоях великого князя, но заговорщиков это не смутило: князя Петра Щенятева «взяша... у государя из комнаты задними дверьми... А митрополит Иасаф в те поры пришел ко государю в комнату, и бояре пришли за ним ко государю в комнату шюмом». Самого Ивана IV бояре-заговорщики разбудили за три часа до рассвета и испугавшегося ребенка «пети у крестов заставили».

Переворот совершился: Бельский был отправлен в заключение на Белоозеро, где и был в мае уморен голодом по приказу Шуйских. По рассказам, он не ел одиннадцать дней и, кроме того, был закован в цепи весом «пудов з десять». Основные сторонники прежнего правителя также оказались в ссылке: чуть не убитый во время переворота Иоасаф попал в Кириллов монастырь, остальные — в Ярославль и Тверь.

Впрочем, сам главный организатор переворота князь Иван Шуйский не успел в полной мере насладиться плодами своих усилий — он умер почти одновременно с Иваном Бельским — в мае 1542 года. Реальная власть сосредоточилась в руках Андрея Михайловича Шуйского*. Но еще до этого был решен вопрос о новом митрополите, вместо арестованного Иоасафа. Им в марте 1542 года стал Макарий. Этот первосвященник сыграл выдающуюся роль в правление Ивана Грозного и, в отличие от большинства близких к Ивану людей, смог сохранить свое положение до самой смерти в 1563 году. Кем же был новый митрополит? Он родился в начале восьмидесятых годов XV века и был дальним родственником знаменитого Иосифа Волоцкого. В конце XV века Макарий оказался в монастыре, основанном Пафнутием Боровским. Эта обитель известна тем, что здесь начинали свой жизненный путь такие известные церковные деятели, как Иосиф Волоцкий, Даниил Переяславский (один из крестных Ивана IV) и другие. Видимо, здесь с Макарием познакомился Василий III, посещавший Боровск в 1513 году. В 1523 году Макарий занимает пост архимандрита Можайского Лужецкого монастыря, а в марте 1526 года становится Новгородским архиепископом. Очевидно, что к тому времени он пользовался полным доверием Василия III и тогдашнего митрополита

* ПСРЛ. Т. 13. С. 439—440; Т. 34. С. 27; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 77.

Поставление в митрополиты Московские и всея Руси Макария
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Даниила. Особое значение поставлению Макария архиепископом придает тот факт, что в Новгороде не было своего иерарха уже семнадцать лет. Во время шестнадцатилетнего пребывания в Новгороде Макарий ввел в местных монастырях общежительный устав, развернул широкую миссионерскую деятельность по распространению христианства среди населения северных окраин Руси. Трудно переоценить литературную, книгописную и редакторскую работу, проводившуюся в Новгороде под руководством архиепископа. Будущий митрополит принимал активное участие в подавлении мятежа Андрея Старицкого в 1537 году.

Каковы же причины, по которым Макарий стал новым митрополитом? К 1542 году он пользовался огромным авторитетом в Церкви, рекомендовал себя как мудрый пастырь и администратор. Между тем особой близости его к Шуйским не было: он являлся по отношению к ним нейтральной фигурой. В то же время его хорошо знали новгородские дети боярские — активные участники переворота в пользу Шуйских. Вероятно, их мнение и было важным в выборе кандидатуры на митрополичий престол.

Удачный переворот, проведенный Шуйскими, и физическое устранение лидера противоборствующей группировки отнюдь не привели

Печать митрополита Макария
XVI в.

к установлению политической стабильности. Среди бояр, как вскоре выяснилось, нашлись люди, недовольные всевластием известного авантюриста Андрея Шуйского. Появился и еще один фактор, на который новый правитель почему-то закрывал глаза. Великий князь Иван был уже не младенцем, и безобразные сцены ареста его любимцев запомнились ему на всю жизнь. В двенадцать лет молодой монарх уже был способен четко осознать то, что в стране все формально происходит по его воле, но реальность была далека от этого. С ним не считались, не спрашивая его мнения, расправлялись с близкими людьми. А время шло, и уже вскоре, по меркам того времени, его должны были объявить совершеннолетним. В то время молодые дворяне на службу должны были выходить в пятнадцать лет. Иван же, и не достигнув этого возраста, был физически сложившимся человеком и имел свои симпатии и антипатии.

К тому же у подростка оказался жестокий характер, что и не удивительно, если учитывать условия, в которых он рос. Уже в двенадцать лет, по сообщению Курбского, Иван развлекался тем, что сбрасывал с высоких крыш кошек и собак. Приставленные же к нему воспитатели

Избиение боярами Федора Воронцова
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

не только не брали ребенка, а льстили и угождали ему*. Вероятно, бояр вполне устраивало то, что великий князь так «забавляется», не вмешиваясь в дела правления. Однако это была близорукая политика, что вскоре и выяснилось.

Симпатии Ивана IV по неясным причинам вскоре оказались на стороне Федора Семеновича Воронцова. Однако быть в милости у монарха было опасно. На заседании Боярской думы 9 сентября 1543 года в присутствии самого великого князя и митрополита Макария произошел невиданный скандал: часть бояр во главе с Андреем Шуйским с кулаками бросилась на Федора Воронцова, «биша его по ланитам и платие на нем ободраша и хотеша его убить». Причиной драки было то, что великий князь «его жалует и бережет». Впоследствии Грозный подробно перечислил участников конфликта: Иван Михайлович и Федор Иванович Шуйские, Дмитрий Шкурлятев, Иван Шемяка и Иван Турунтай-Пронский, Алексей Басманов. Вероятно, как только

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 222.

Убийство князя Андрея Шуйского
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

началась драка, Иван с митрополитом и частью бояр покинул помещение, в котором происходила эта безобразная сцена. Однако великий князь был уже тринадцати лет и не хотел оставить своего любимца без помощи. Он отправил к Шуйским митрополита Макария и бояр Ивана и Василия Морозовых. Спасти Федора Воронцова удалось, правда, распоясавшиеся сторонники Шуйских толкали святителя и даже порвали на нем мантию. Федор был выслан из Москвы и по решению Шуйских оказался в Костроме «на службе». Великий князь был вынужден согласиться с этим решением правителей*.

Но это для Шуйских оказалась «пиррова победа», как показали дальнейшие события. Буквально через неделю после драки в Боярской думе Иван IV с братом Юрием Васильевичем и некоторыми боярами покинул Москву и отправился на богомолье в Сергиев монастырь, затем на Волок и в Можайск. Это путешествие великого князя было, в отличие от предыдущих, длительным и продолжалось до ноября. Вероятно, во время него в голове монарха и созрел замысел отстранения Шуйских.

* ПСРА. Т. 13. С. 443—444; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 77.

Прием Иваном IV литовских послов
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Бояре, которые сопровождали Ивана в пути, также едва ли были сторонниками временщиков, они могли лишь укрепить государя в его замысле. Вернувшись в Москву, Грозный некоторое время ничем не выдавал своего замысла, не давая Шуйским повода для беспокойства, а 29 декабря 1543 года нанес удар. Вот как описывает события летопись: «Князь великий Иван Васильевич... не мога того терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят, без великого князя веления, своим советом единомысленых своих советников, многие убийства сотвориша своим хотением и перед государем многая безчиния и государю безчестия учиниша и многие неправды земле учиниша в государеве младости, и великий государь велел поймати первосоветника их князя Андрия Шюйского и велел его предати псарем, — и псари взяша и убиша его, влекуще к тюрьмам... а советников его разослал князя Федора Шюйскаго, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных; и от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание»*. Первоначальный краткий рассказ летописи был спустя годы дополнен Грозным, который, вероятно,

* ПСРЛ. Т. 13. С. 444; Т. 34. С. 27.

гордился своим поступком, после которого бояре стали его бояться и слушаться. Впрочем, из текста летописи не совсем понятно, приказывал ли великий князь убить Андрея Шуйского или только хотел отправить его в тюрьму. Возможно, что псари перестарались или убили опального князя случайно. После расправы с Шуйскими в Москву вернулся удаленный ими Воронцов. Так или иначе, с правлением Шуйских было покончено, но по сути изменилось лишь одно — многое теперь зависело от воли самого Ивана, от его отношения к тем или иным деятелям, от его капризов.

Повседневными же делами управления великий князь не занимался. Гораздо веселее и интереснее было, собрав компанию сверстников, сыновей тех же бояр, скакать на конях по улицам и площадям Москвы, давя зазевавшихся прохожих, и слушать доносы бояр друг на друга*. Общаться с Иваном IV было опасно — за любое лишнее слово можно было поплатиться если не головой, то языком. Так, Афанасий Бутурлин лишился языка за «невежливые слова»**.

Все годы до 1547-го наполнены известиями о неожиданных опалах и помилованиях. В декабре 1544 года в опале оказался Иван Кубенский «за то, что они великому князю государю не доброхотствовали и его государству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр многих без великого государя веления поимали». Кубенский был послан в заключение в Переславль, но пробыл там недолго — уже в мае 1545 года он был выпущен. Как раз в мае великий князь начал поездку по монастырям и побывал в Переславле — вероятно, тогда и был выпущен опальный князь Кубенский***.

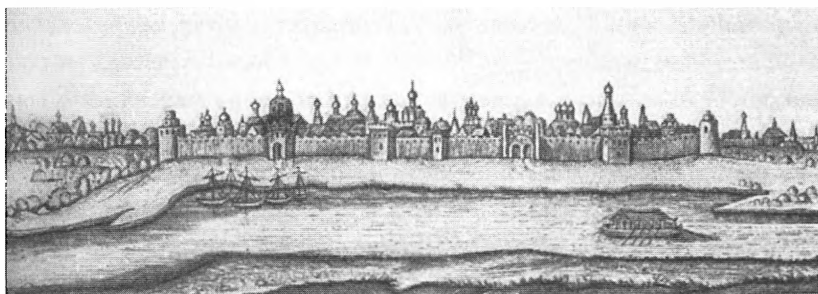
Однако в том же году, в октябре, были наложены новые опалы. Обстоятельства этого дела таковы: великий князь находился в поездке в Сергиеве монастыре и Александровской слободе, затем внезапно вернулся в Москву и наложил опалу на целый ряд бояр «за их неправду». Среди опальных оказались все тот же Иван Кубенский, Петр Шуйский, Александр Горбатый, вчерашний любимец Федор Воронцов, Дмитрий Палецкий. Очевидно, что причины опалы были связаны с путешествием Ивана IV. Но и на этот раз гроза прошла мимо — в декабре того же 1545 года опальные были прощены по просьбе митрополита Макария****.

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 222.

** ПСРЛ. Т. 13. С. 147.

*** Там же. С. 445–446.

**** Там же. С. 446–447.

Вид города Коломны
Гравюра из книги Адама Олеария. XVII в.

Вся эта серия опал была отражением ожесточенной борьбы за влияние, которая шла в окружении юного великого князя. В этой борьбе все средства были хороши. В обычной ситуации рядом с молодым монархом должны были бы находиться его родственники. Но родни по отцу к тому времени не осталось — за исключением двоюродного брата князя Владимира Старицкого и его матери Ефросиньи. Князь Владимир был еще младше Ивана. Родной брат Юрий Васильевич был глухонемым. Но были родственники со стороны матери — князья Глинские. Наибольший интерес вызывают родные братья Елены Глинской князя Михаил и Юрий Васильевичи. Ивану IV они приходились дядями, но, с точки зрения старых московских бояр и князей, они были людьми «приезжими» и не могли претендовать на ведущие места при дворе. Жива была и бабушка великого князя Анна Глинская. До середины 1540-х годов они ничем не выделяются из среды обычных служилых людей и занимают второстепенные воеводские посты в армии. Подрастая, Иван IV стремился приблизить родственников матери, и, вероятно, именно они и стояли за опалами 1544–1546 годов, постепенно расчищая себе путь к реальной власти. В конце концов им это удалось.

События развернулись летом 1546 года в Коломне. Весной были получены сведения о том, что летом возможно нападение крымских татар. На берег Оки были отправлены войска, сюда же в мае отправился и Иван IV. Здесь великий князь «пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался». Татары же так и не появились, но здесь, во время поездки монарха «на прохлад... потешиться», к нему обратились новгородские пищальники. Пищальники — это пехота, вооруженная огнестрельным оружием (пищальями). Они существовали до появления стрелецкого войска и набирались с черного (тяглого) населения городов. Вероятно, новгородские

пищальники хотели пожаловаться на несправедливое распределение этой повинности в их городе. Так или иначе, Иван IV не стал выслушивать челобитчиков, а велел дворянам свиты отослать их. Это вызвало сопротивление — произошла стычка с использованием, по рассказу летописи, холодного и огнестрельного оружия, так что со стороны дворян и челобитчиков оказалось по пять-шесть человек убитых.

В результате великий князь так и не смог вернуться в Коломну по той дороге, по которой собирался, а поехал в объезд. Конечно, для государя, который уже привык к безусловному повиновению, все случившееся было неприятным сюрпризом. Он приказал своему ближнему дьяку Василию Захарову-Гнильеву расследовать дело. Иван IV подозревал, что дело не обошлось без вмешательства «супротивных» бояр: «по чьему науку бысть сие съпротивство, а без науку сему быти немощно». Дьяк, по сообщению официальной летописи, оклеветал непричастных к делу Ивана Кубенского, Федора (недавнего любимца) и Василия Воронцовых. Полученные известия привели государя в ярость, и он приказал казнить бояр, которые еще недавно, возможно, вместе с ним «сеяли гречиху». Мало того, перед казнью осужденным было даже запрещено исповедаться и получить от духовных отцов отпущение грехов, что должно было самым негативным образом повлиять на судьбу их душ на том свете. Очевидно, обвиненные отказались признать свою вину в произошедшем, что и вызвало такую вспышку гнева — «великую ярость». Кроме того, опальным боярам припомнили и их прошлые грехи «по прежнему их неудобству, что многие мзды в государстве его взимаху во многих государьских и земских делех, да и за многие их сопротивства». 21 июля приговор был приведен в исполнение: осужденным отрубили головы. Их владения были конфискованы. Вероятно, и «суд» и казнь произошли в один день.

Больше повезло боярину и конюшему Ивану Петровичу Федорову, также приговоренному к смерти. Но, в отличие от Кубенского и Воронцовых, он «против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил». Федоров отделался ссылкой на Белоозеро*. Казни лета 1546 года привели к тому, что власть оказалась в руках родственников Ивана IV князей Глинских. Вскоре Михаил получил высший придворный чин конюшего, а Юрий стал боярином. Их правление принесло стране больше вреда, чем правление всех предшествующих боярских

* ПСРЛ. Т. 13. С. 448—449; Т. 34. С. 27.

группировок. Временщики отличались непомерной гордостью и жадностью, были ненавидимы всеми слоями населения Москвы.

Жалобы новгородских пицальников были лишь одним из сигналов о том, что в стране копится недовольство, которое прорвалось меньше чем через год после событий в Коломне. Но этот сигнал не был услышан. Спустя несколько лет после описываемых событий сам Иван Грозный в речи на Стоглавом соборе говорил о том времени: «И оттоле горкая скорбь постиже нас: мне сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако бояре наши улучиша себе время сами владеша всем царством самовластно, никому же возбраняющу им от всякого неудобного начинания, и моим грехом и сиротством и юностию мнози межиусобною бедою потреблени быша зле. Аз же возрастох в небрежении и в ненаказании отца своего и матери... и навыхох их злокозненные обычаи, и тояжде мудрствовах якоже и оне. И от того времени и доднесь каких зол не сотворих пред Богом...»*.

Спустя месяц после возвращения из Коломны великий князь отправился в новое, на этот раз дальнее, путешествие. Среди прочих мест он посетил Новгород и Псков. Вероятно, этот визит запомнился надолго. Новгородская летопись упоминает, что с Иваном «было людей не много: тысячи три или с четыре». Приехав в город, монарх «смирно и тихо пожи...три дни, а после трех день все его войско нача быти спесиво». В чем именно заключалась эта «спесивость» трех-четырёх тысяч, остается только догадываться. Указывается лишь, что со старост Иван IV потребовал три тысячи золотых. Лишь одно могло утешить: горожанам не пришлось тратить на еду «гостей» — великий князь жил в Новгороде недолго, а столовался у архиепископа, наместников, дворецких и дьяков**.

Из Новгорода монарх отправился в Псков. В этом городе в самом разгаре был конфликт между наместником князем Турунтаем-Пронским и населением. Но Иван не стал разбираться: «не управил своеи отчины ничего». Он предпочел гонять на ямских, «а христианом много протор и волокиты оучиниве»***.

В столицу великий князь вернулся 12 декабря 1546 года. Приблизился переломный 1547 год.

* Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. М., 1985. С. 263.

** ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 618–619.

*** Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 230–231.